

Акад. Г. А. Канакрян

К происхождению лат. слова *malum* „яблоко“

Индоевропейская лингвистика выявляет два названия для слова „яблоко“ (resp. „яблоня“). Первое употребляется в балто-славянских, германских и кельто-италийских языках. Общий корень этих слов звучит *abul-*, что наличествует в др.-слав. *аблько* (рус. яблоко), литовск. *obulas* „яблоко“, *obelis* „яблоня“, др.-в.-нем. *arful* (= нем. *Apfel*) „яблоко“, др.-ирландс. *aball* „яблоко“. В италийских древних языках этот корень сохранился только в собственном имени *Abella*, что находится в Кампании, т. е. в области оскского языка и значит „город яблок“. *Виргилий* называл этот город *Абеллу* „*malifera*“, т. е. „яблоконосная“. Однако это слово (*abul-* || *abel-*) и в Италии было вытеснено словом, в дорийском диалекте известным в виде *μαλον* (откуда лат. *malum*), заимствованным из неизвестного языка; это слово (*malum*) обозначало культивированное яблоко. Здесь обнаруживается результат появления средиземноморской и эллинской цивилизации на месте северноевропейской, которая была первоначально и культурой латинов и оско-умбрийцев. Такой обобщенный результат об имени и культурных путях распространения термина для яблока (resp. яблони)—*abul* и *malum* дается в книге знаменитого французского лингвиста *А. Мейе* „Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков“ (Москва—Ленинград, 1938 г., стр. 399).

Следовательно, по данным индоевропейских языков есть только два названия для яблока: одно (*abul*) распространено в северных и западных индоевропейских языках (т. е. в балто-слав., герм., кельто-итал.), а другое (*mal-um*, *μαλον*), служащее для обозначения культивированного вида, проникло, как говорит *Мейе*, из какого-то неизвестного языка к грекам, а отсюда и к италийским народам, в частности латинянам, использовавшим до тех пор *abel-*, как северноиндоевропейское слово.

Я в своей работе „*Chetto-armeniaca*“, напечатанной в 1931—1933 годах (Ереван, Госиздат), также остановился на имени лат. *malum* и осветил его происхождение из Малой Азии в связи с хеттским *maḫla* (ib., стр. 61). Не знаю, почему моя эта этимология не удостоилась внимания индоевропейских лингвистов. Ведь моя этимология латинского (как и греческого) слова как раз и идет навстречу тому

научному предположению, что греко-латины, под влиянием средиземноморской (следовательно и эгейской) и эллинской цивилизаций, переняли из какого-то „неизвестного языка“ греч. *μαλον* > лат. *malum*. Моя этимология в точности дает ответ на этот средиземноморский источник слова, если принять древне-малоазиатский хеттский культурный мир частью этого средиземноморского мира, хотя нам известно и обратное, т. е. влияние малоазиатской культуры на средиземноморский—эгейский мир. Навстречу предположению индоевропейских лингвистов о том, что *μαλον* (> *malum*) является *культуривированным яблоком*, говорит сам свод хеттских законов, относящийся к четырнадцатому веку до нашей эры и гласящий в интересующем нас месте следующее: *Si d'une vigne cultivée des pommes quelqu' un vole...* (см. Code hittite, изд. Ф. Грозного, Париж, стр. 107). Слово культуривированный, предположительно переводимый Ф. Грозным, основывается на данных контекста. Там, где говорится о краже яблок из „taggalianda“ сада, т. е. из культуривированного сада, штрафлагается в 10 (или 6) серебряных сиклов, а там, где говорится о краже яблок из „U. Ul-ma taggalianda“ сада, т. е. из некультуривированного сада (U.Ul есть семит. слово „не“), тогда штраф платят уже в три серебряных сикла.

По данным морфологии хеттского языка и сравнения армянского языка корнем хеттского слова *taggalianda* я взял *tagg* (*takk*),¹ имея в виду, что *-anda* является обыкновенным хеттским суф. причастия средних или страдательных глаголов, а суф. *-ali*—частицей для образования отыменных прилагательных. Так что *taggali* должно было значить „рассадниковый“, как от хеттс. *igma* „болезнь“ имеем *igmall* „больной“..., а глагольная форма *taggalianda* значила бы „рассадникованный“, имея в виду наличие хеттс. имени *tagg* (или *takk*) в арм. слове *tulk* „посаженный куст (дерево)“. Эта моя этимология и перевод хеттс. *taggali* „рассадниковый“ также идет навстречу предположительному переводу Фр. Грозного хеттс. слова *taggalianda* „cultivée“, а вместе с тем и проникновению хеттского культуривированного яблока (*maḥlan*) на Эгейские острова и в Грецию. Мы здесь не хотим вообще приводить доказательства о влиянии хеттского (т. е. азиатического) культурного мира на греческий, что уже достаточно указано другими, как в области собственных имен мест, богов и т. д., так и нарицательных слов.

Если взять чисто лингвистическое взаимоотношение между хеттс. и греко-латинскими словами, то хеттская основа *maḥla-* (пишется *ma-aḥ-la-an*, как форма винит. пад.) имеет как будто лишнее *h* в середине слова. Я сейчас не могу доказать, является ли эта форма первичной с дальнейшим видоизменением в *ma-la-*, или же наоборот

¹ В хеттском глухие и звонкие взрывные всегда смешиваются, а двойной согласный *gg* (или *kk*), подобно многим другим случаям, мог получиться из простого *g* (или *k*).

Если принять также мое объяснение происхождения грузинского *vašli* „яблоко“ из хеттского *maḥla-*, т. е. с изменением *m* на „*v*“, * а срединного хеттского *h* на груз. *s*, что имеем и в словах хеттс. *maḥḥan* „когда“ и груз. *mašin* „тогда“ и пр., то первичным малоазиатским словом для яблока будет *maḥla-* и следовательно греко-латиняне это слово переняли (возможно через малоазиатских ахейя?) в форме *mala-*, т. е. без срединного *h*.**

С другой стороны, в хеттском есть случаи, когда в середине слова развивается лишнее *h*, напр. там, где греч. имеет *πῦρ* (род. п. *πυρός*), умбрийск. *pir*, немецк. *Feuer*, древне-нем. *fiur* из старого *fuir*, все со значением „огонь“ (арм. *hur* из *rug*), хеттский дает *rahhur* „огонь“ (с род. п. *rahhuen-as*, *rahhun-as*, ср.-арм. *hun* „огонь“, готс. *ībn*, род. п. *īun-ins*, старо-исл. *fupe*, прусск. *raipno-* „огонь“). Так что трудно сказать, каково было изначальное произношение древнего малоазиатско-эгейского слова для яблока (или яблони): было ли оно первично *maḥla* с поздним изменением в *mal-* в греко-латинском *malon* и *malum*, или же наоборот, т. е. первоначально было *mala-*, а потом из него развилось хеттское *maḥla-*. Академик М. Туманян обратил мое внимание и на тюрко-татарское *alma* „яблоко“, что несомненно через перестановку (метатезу) звуков „*m*“ и „*l*“ можно было бы выводить из *amla*, а это уже непосредственно примыкает к предполагаемому древне-малоазиатскому или эгейскому *mal-a-*. Конечно, в таком случае нужно еще исторически доказать пути проникновения культуры яблони из переднего востока в Закаспийский мир, т. е. в область уралоалтайских народов.

Армянский язык стоит как будто в стороне от этого термина. Армянское *xəndzor* хотели-было считать заимствованным из семитического мира, имея в виду сирийское *xazzāra* с тем же значением. Но, как говорит Гюбшманн, „*Das syrische Wort ist nicht echt syrisch, also aus dem Armentschen entlehnt*“ (см. его „*Arm. Gramm.*“, стр. 305). Этому же мнения придерживается и акад. Р. Ачарян. Но мне думается, что оно ошибочно, ибо имеется оставшееся неизвестным этим

* Переход же древнего *m* на груз. *v* имеем и в грузинском *viḡi* „осел“, что я считаю семитич. словом (ср. аккадское, т. е. ассири-вавилонское слово *imēg-u* с тем же значением). Доказательством южного (месопотамского) происхождения „или, точнее, проникновения животного осел на север служит, по-моему, и арм. *ēš* „осел“, что есть несомненно изменение сумерского *apsē* (*apsi*), а это уже проникло и в другие языки—сравни лат. *asinus*, греч. *onos* (из *osnos*), герм. *Esel*, слав. *осел* и пр. Ср. также груз. *akhmeli* „верблюды“, лат. *camelus* и др. из аккадс. *gamallu* (*id.*), т. е. тот же семитический сумерский культурный мир для проникновения некоторых животных и их названий на север и запад. Из Малой Азии проникли термины, напр. *ropiticus* (арм. *չըրիչ*, перс. *hindik*) от имени Понта (область прибрежных районов вокруг Трапезунда), или, напр. *keras-* „черешня“ от имени города Керасувд (западнее Трапезунда) и т. п. Русское черешня, т. е. корень *череш-*, получилось от *кереш-* (арм. *կերաս* *keras-*) с изменением „*k*“ в „*č*“ перед гласным „*e*“.

** Не значит ли хеттс. непереводаемое *haššeli-* (из свода законов, 106) „груша“, имея в виду груз. *m-xa!-i* (*id.*) из *(*m*)-*xsa!-i* ?

лингвистам и древнее ассировавилонское *ḫašḫuḡ-u* с тем же значением „яблоко“, а это слово уже близко звучит с сирийским *ḫazzūg-a*, т. е. если писать клинообразной транскрипцией—*ḫazzūrā*.

Моя этимология, выясняющая происхождение „культивированного“ яблока в греч. *malon*, лат. *malum* (в связи с перенятием из хеттского *maḥla-* и тюркск. *alma?*), может быть уточнена в своих путях проникновения только историческими, а еще более растениеведческими конкретными данными. В этом отношении лингвистика может очень помочь и ботаникам, коим принадлежит, конечно, последнее решающее слово.